КРОКОДИЛ

№ 23—24 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXII ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Рис. К. Елисеева

СУД ИДЕТ!

Ихняя пифия

Пифия садилась на свой треножник. Подымавшиеся из земли газы отравляли её, и пифия начинала выкликать. Этот бред и считали предсказаниями.

(Из истории древней Греции.)

В ДОМЕ фашистского генерал-лейтенанта Дитмара, того самого, который выступает по берлинскому радио с обозрениями и комментариями,— в доме этом тишина и уныние. Похудевшая фрау Дитмар, ещё недавно походившая на восемь пудов студня, налитого в железобетонный корсет, а ныне приближающаяся по своему габариту к сушёной вобле, с самого утра шикает на детей, на прислугу, нервничает, волнуется.

Время от времени из кабинета слышится звон колокольчика и хриплый бас рычит:

— Долго я буду трезвонить?!. Пусть кто-нибудь подметёт у меня...

Фрау, оттолкнув горничную, лично вооружается шваброю и, на цыпочках войдя в кабинет, принимается выметать огромное количество скомканных листов бумаги.

Когда бумага выметена в коридор, Дитмар, вздыхая, как паровоз, снова садится к столу. Он берёт свежий лист бумаги, минуты три грызёт кончик ручки, а затем пишет:

«Трудно предположить, что активные действия англо-американцев в Северной Франции, однажды начавшись, прекратятся ранее, чем им удастся достигнуть тех целей, о которых можно сказать, что их осуществление нанесло бы непоправимый ущерб позициям немецких войск...»

Генерал трижды перечитывает написанное и со стоном изрекает:

— Нет! Чересчур ясно. Надо ещё немного запутать.

И он пишет:

«Трудно предположить, что активные действия англо-американцев в Северной Франции, однажды начавшись, прекратились бы раньше, чем им удалось бы достигнуть тех целей, каковые диаметрально противоположны задачам немецких войск, поскольку таковые принимают все зависящие от таковых меры к ликвидации возможности реализации каковых, ибо каковые являются для таковых более опасными, чем таковые для каковых».

Резкий стук в дверь заставляет генерала поднять голову.

— Кто там? Что такое?! — ревёт он.— Я же работаю! Сколько раз надо...

Рис. Г. Валька

Но взволнованный голос фрау Дитмар сообщает из-за двери:

— Майн либес пупхен, сейчас звонил сам господин Геббельс...

— Что — Геббельс?! Да войди же!..

— Я вошла. Господин рейхсминистр велел тебе передать, что надо срочно делать обзор о делах на русском фронте.

— Хорошо. Вымети всё это. И дай мне, наконец, покой для работы!

— Ц-ц-ц!.. Чш-ш-ш!.. Тс-с! — шипит фрау Дитмар, вновь орудуя шваброю.

А генерал, кряхтя и сопя, пишет:

«То затишье, которым мы пользуемся с начала мая на русском фронте, не должно обмануть вас, мои соотечественники. Мы вправе ожидать новых сокрушающих ударов со стороны большевиков, которые нам вряд ли под силу будет выдер...»

— Нет, я просто сошёл с ума!.. Надо же запутать. Ну-с, попробуем...

«То затишье, которым мы пользуемся с начала мая на русском фронте, не должно обмануть вас, мои соотечественники. Мы вправе ожидать со стороны большевиков ударов, каковые мы могли бы назвать сокрушающими, если бы таковые были бы, как таковые, соответственно каковым, каковые при таковых...»

Генерал пишет до самого вечера. Генеральша выметает бумагу из кабинета девятнадцать раз. Внезапно дверь кабинета распахивается. Господин генерал-лейтенант Дитмар выходит в растерзанном виде. Он кричит:

— Я больше не могу!.. Пусть фюрер сам объясняет свою стратегию!.. Слышите?

— Т-с-с!.. — шипит генеральша на самого генерала. — Чш-ш-ш!.. Что ты говоришь, пупхен! Поди, облейся холодной водою!..

Генерал послушно бодает лысиной кухонную раковину.

В. АРДОВ

Действующая армия.

●

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ХЕЛЬСИНКИ. В местных военных кругах сделано интересное открытие, что путь от Ленинграда до Хельсинки гораздо короче, чем от Хельсинки до Ленинграда.

—

ХЕЛЬСИНКИ. Линкомиес, Рюти и другие члены финского правительства просят в дальнейшем не направлять им в Хельсинки ни писем, ни телеграмм. Новый адрес будет сообщён дополнительно, если позволят обстоятельства.

—

БЕРЛИН. Германское министерство пропаганды разработало точную инструкцию для военных обозревателей, в которой говорится: «Если случилось какое-нибудь неприятное для немцев событие, необходимо: 1. Сначала объявить, что этого не было; 2. Потом, что это было, но не так, как на самом деле; 3. Потом, что хотя это и было, но надо считать, что этого не было».

ОНЕЖСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Рис. М. Черемных

Текущий счёт снайпера Орлова.

Рис. Л. Бродаты

Новый (нормандский) вариант известной картины художника Миле.

Миле. «Благовест».

АГЕНТ ГИТЛЕРА ПРОКОПЕ

Высланный из США финский посланник Прокопе пытался заставить финскую печать и финнов, проживающих в США, поддерживать ось Берлин—Хельсинки и часто угрожал по телефону людям, не желющим придерживаться такой позиции.

Я не знаю: он — Прокòпе,
Прòкопе иль Прокопé,
На пути ли он к Европе
В самолёте иль в купе.

На какой-нибудь из станций
Иль в пути ночует он,
Но его американцы
С треском выбросили вон.

Потому что он — Прокòпе,
Прòкопе иль Прокопé,—
Состоя при Риббентропе,
По опасной шёл тропе.

В самом центре Вашингтона
Этот Гитлера посол
При посредстве телефона
Сеть запутанную плёл.

Только зря ломал он копья.
Обнаружен был в толпе
Агент Гитлера — Прокòпе,
Прòкопе иль Прокопé.

С. МАРШАК

САМЫЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

Английский юмористический еженедельник недавно объявил конкурс на короткий рассказ. Условия конкурса были таковы: 1) писать можно на любую тему, 2) рассказ должен содержать ровно двести слов.

Рассказ в двести одно слово жюри конкурса уже не читало. Только двести слов!

На конкурс поступило более трёх тысяч рукописей.

Первая премия была присуждена молодому сержанту английской армии. Автор был премирован за выдумку и за то, что им было соблюдено основное условие конкурса: в его рассказе было ровно двести слов.

Сержант написал так:

«Рядовой немецкой армии Шульц, желая подшутить над ефрейтором Шпунке, со свойственным немцам остроумием подпилил сиденье в уборной. Итого: семнадцать слов.

Остальные сто восемьдесят три слова произнёс провалившийся в уборную ефрейтор Шпунке».

НАСЧЕТ ЧУДЕС

Финны очень долго трубили о том, что их укрепления на Свири являются чудом оборонительной техники.

Одна финская газета писала:

«Река Свирь навеки в наших руках. Финские солдаты, находящиеся на северном побережье Свири, могут чувствовать себя в полной безопасности. Если русская пуля поразит хотя бы одного нашего солдата, мы будем считать это чудом. А чудес, как известно, не бывает».

Это было ещё в конце мая 1944 года.

А в июне того же года русские воины взломали финскую оборону на Свири, и тут уже финны стали говорить совсем противоположное:

«Оставшихся в живых финских солдат, участников боёв за Свирь, надо считать явлением, относящимся к категории чудес».

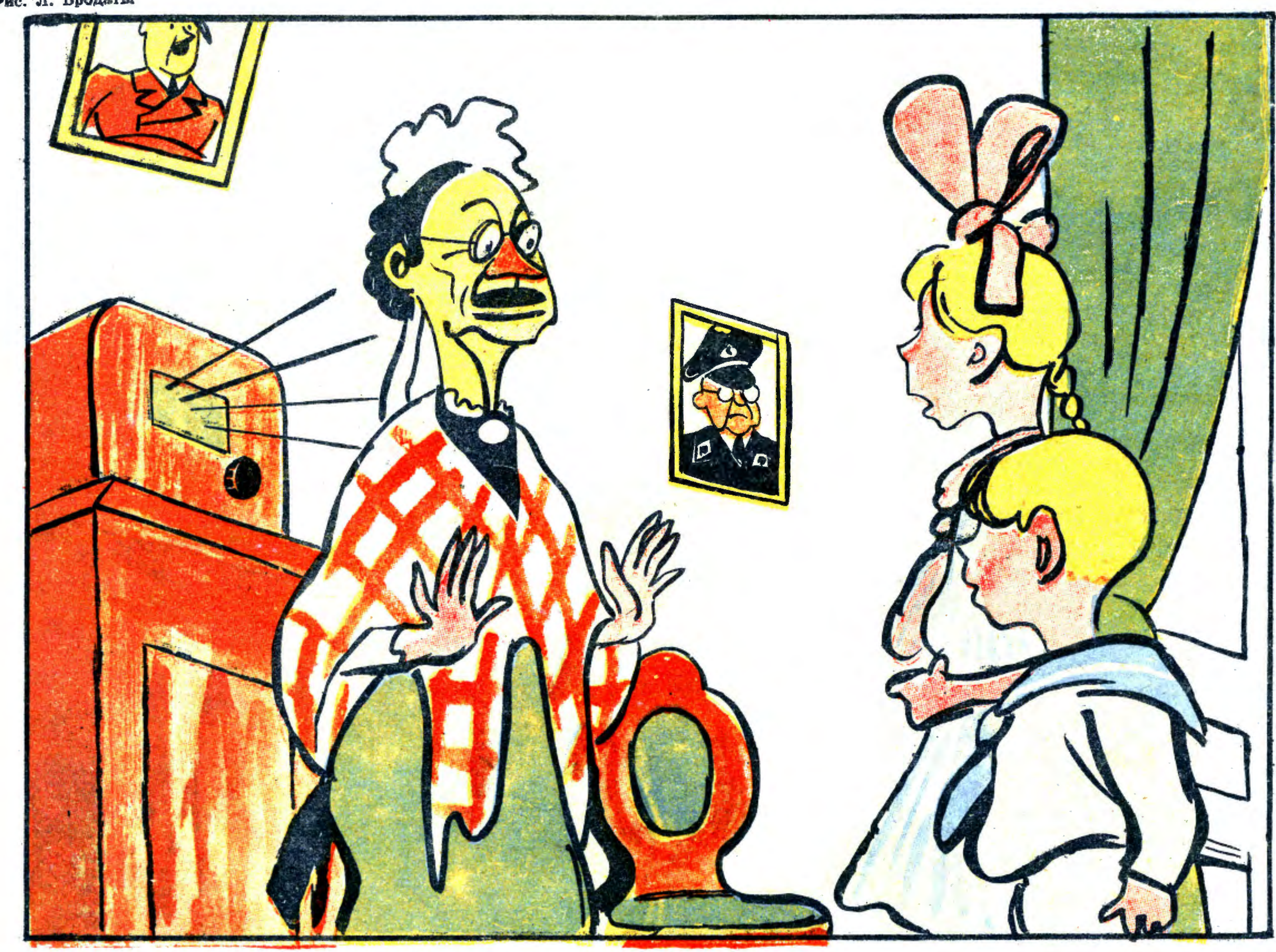
Вот и пойми после этого, есть ли на свете чудеса или нет чудес. Впрочем, на этот раз мы не возражаем: мы согласны считать каждого живого финна счастливым исключением — «явлением, относящимся к категории чудес».

МИХ. ЛЕВИТИН

Действующая армия.

НА КВАРТИРЕ ДИТМАРА

Рис. Л. Бродаты

— Тише, дети!.. Папа врёт!..

Румынские пушки

Из-за угла показалась сизая бородавка, вскоре затем выплыл и огромный нос, на котором так уютно пристроилась бородавка, а уже минуты через две появился и хозяин этого длинного сооружения — капрал Балдеску.

Дед Игнат стоял на улице, у дверей своей белобокой хаты. Заметив ещё издали румынскую бородавку, старик проворчал:

— Идёт мой оккупант, чтоб его...

Последовали слова, которые наше стыдливое перо не решается запечатлеть на бумаге.

Капрал подошёл к Игнату:

— Здоров-жив как?

Румын, как видите, неплохо изъяснялся по-русски.

— Ничегеску, слава богеску,— ответил дед на чистом румынском языке.

Дед Игнат полагал, что он за эти два года неплохо усвоил язык своего постояльца, капрала Балдеску. Соседку, старуху Гарпину, дед поучал:

— Язык у них плюгавый, как и они сами. Название сёл оканчивается на «ешти» — Малоешти, Нечегоешти, Голодешти. А фамилии на «еску» — Антонеску, Многотреску, Малоблеску, а самая главная — Драпеску. Вот и вся наука...

Капрал болтлив, как сорока. Когда он трезв — а это случается редко, ибо способности поглощать спиртные напитки у него выше посредственных,— сей доблестный румын любит поговорить о «великой Румынии»:

— Мы солдаты храбрые очень весьма. Мы завоюем Россию целую половину.

Дед в таких случаях молчал, но всякий раз начинал икать. Румын подозрительно косился на Игната, не понимая, что означает это икание: не есть ли это выпад против «великой Румынии»?

— Мы ещё пойдём вперёд далеко,— продолжал капрал.

— Ик! — отвечал Игнат.

Капрал выходит из себя:

— На этом месте каждый раз ты ик. Отчего?

— От глупости,— отвечал Игнат.— Ик!

Румын ещё более подозрительно косился на Игната: не намекает ли этот хитрый старик, что он, капрал Балдеску, говорит глупости?

Но на лице Игната ничего нельзя было прочесть. Дед, заметив на себе пристальный взгляд капрала, ещё более громогласно и отчётливо провозглашал:

— Ик!

Но румыну хотелось высказаться до конца, и он продолжал:

— Мы завоюем...

— Ик!

— Перестань, старик, делать ик, стрелять буду! Мы завоюем Крым, Чёрное море, Кубань....

— А хворобу не хочешь?— ласково улыбаясь, спрашивал Игнат.

— Хвороба? Берём! Хвороба будет наша! — кричал румын.— Никому не уступим!

— Дай вам бог,— говорил Игнат.

Когда же капрал Балдеску был под мухой, он жаловался Игнату на свою горькую судьбу:

— Плохой у меня фамилия. С такой фамилей пустяк украдёшь. Хорошая фамилия — Антонеску. У нас в Румынии есть целых два Антонеску — Ион и Михаил. Почему я не третий Антонеску? Человек я маленький, понимаешь? Ну, украл я у тебя три курицы и два поросятка. Антонеску — те миллионы крадут. Вот это жизнь, культура, великая Румыния. Я быть желаю за компанию с Антонеску — и никаких гвоздёв!

— А, може, гвоздей и не потребуется,— говорит Игнат.— Прямо на одно дерево — вот и за кумпанию...

Вскоре Игнат стал замечать, что сивая бородавка на носу оккупанта потеряла свой блеск, что нос ещё более вытянулся, а сам капрал стал меньше молоть языком. И вообще все румыны в селе что-то приутихли и поблёкли.

По этому поводу Игнат сделал Гарпине сообщение на изысканном румынском языке:

— Вот вот все румынеску сделают драпеску до своего Антонеску.

Однажды дед застал капрала за упаковкой чемоданов. Дед сделал невинное лицо и спросил:

— Ай что неблагополучно?

— Очень плохополучно,— ответил капрал. И, помолчав немного, добавил: — Чемоданы буду завязывать. Придёт Красная Армия — повешают.

— Не беспокойтесь,— участливо сказал Игнат,— я помогу.

Румын опять подозрительно взглянул на деда:

— Что будешь помогаешь: завязывать чемодан или повешать меня?

— Ик! — ответил старик. На него опять напала икота...

Через день—другой румыны заметались. Наиболее дальновидные из них начали требовать у крестьян расписки: жили, дескать, чинно-благородно, никого не обижали, и красть не крали, и грабить не грабили.

Капрал сказал Игнату:

— Сегодня ночью поеду.

Старик с невозмутимым видом сказал:

— Погостили бы ещё. Воздух у нас чистый.

Капрал махнул рукой:

— Спешу мало-мало.

Потом сказал Игнату:

— Дед! Съел я твоих куриц и поросяток. Два раза тебя кулаком стукал. Хочу за всё уплатить, а ты мне — записка, что не обижен.

Через полчаса капрал со своими солдатами вкатил во двор Игната огромную пушку:

— Дед, на плату. Писай записка.

— Не надо мне такой пушки,— ответил дед.— Куда я такую махину схороню? Будут через наше село драпать немцы и румыны и увидят эту пушку ещё,— ну их к бесу, придираться будут.

Капрал забрал свою пушку. Но вскоре вернулся с другой — с маленькой.

Он рассказал деду, что большую пушку удачно разменял у другого румынского капрала на две маленькие — одну он отдаёт Игнату, другую — Гарпине:

— Я у матки Гарпины тоже мало-мало крал...

* * *

Эта история с румынскими пушками не выдумана нами. Так оно было в действительности.

И, когда Красная Армия вступила в это село, дед Игнат и бабка Гарпина сдали командованию две румынские пушки.

Г. РЫКЛИН

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

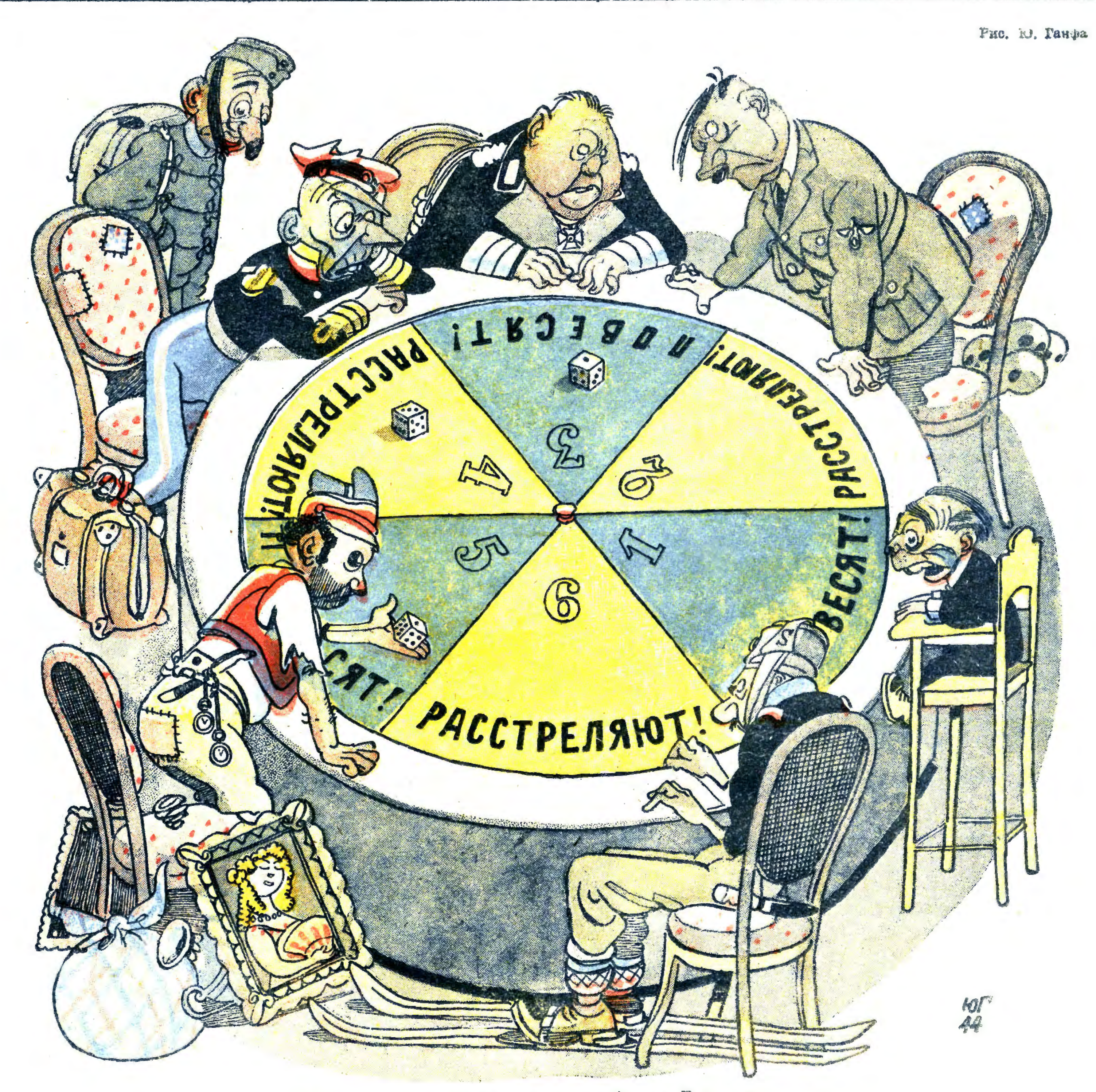
«До войны, — пишет гитлеровская газета «Мюльгаузер тагблатт»,—самым удобным для сна считалось горизонтальное положение. Сегодня каждый немец должен спать в любом другом положении».

Спаньё горизонтальное простое
Теперь фашистам явно не подстать:
Во время драпа им, конечно, стоя
И на бегу куда сподручней спать!

Пусть спят себе они хоть вверх ногами.
Похлопотать нам нужно об ином:
Должны мы так разделаться с врагами,
Чтоб все они заснули вечным сном!

Сергей ШВЕЦОВ

Рис. Ю. Ганфа

«Обсуждение» послевоенных проблем в Берлине.

Пятна на солнце...

ГОВОРИЛИ о новом электроинструменте, эмиритоне.

— Хорошо выходит на нём «Элегия» Массна,— сказал Иван Иванович, большой любитель музыки.

— «Элегия» — хорошо,— согласился Пётр Петрович,— а вот «Патриотическое трио» Глинки — ещё лучше.

— Извиняюсь, — сказал Иван Иванович, — я не дослышал, как вы изволили сказать?

— Я сказал: «Патриотическое трио» Глинки звучало...

— Быть может, — деликатно намекнул Иван Иванович, — вы хотели сказать: «Патетическое трио» Глинки...

Пётр Петрович обиделся:

— Я хотел сказать то, что сказал. Патриотическое!

— Патетическое. Нет у Глинки патриотического.

— По-вашему, Глинка — не патриот?

— Глинка — патриот. Но мне неизвестно его «Патриотическое трио».

Пётр Петрович язвительно улыбнулся:

— Вам неизвестно, а газете «Литература и искусство» известно. Вот она пишет в № 24: «Патриотическое трио» Глинки. Значит, есть «Патетическое», а есть и «Патриотическое». Вы этого не знали, и никто этого не знал. А «Литература и искусство» знает...

* * *

— Поговорим о другом,— сказала хозяйка, желая замять неудобный разговор.— Как вам Горовиц нравится?

— А что же Горовиц? — возразил Иван Иванович.— Он в Америке стукает по клавишам рояля.

— Но вы не знаете последней новости! — воскликнула хозяйка.— Он уже не стукает. Он машет.

— Как машет?

— Ну, да, машет. Он палочкой машет. Он дирижёром заделался. Недавно исполнял Седьмую сонату Прокофьева.

— Однако, позвольте,— сказал Иван Иванович,— это странно. Седьмая соната ведь фортепьянная. Как же её оркестр исполнял?

— А вот так и исполнял,— ответил грубовато Пётр Петрович,— вы, Иван Иванович, всегда спорите. Видно, что вы «Литературы и искусства» не читаете. Там, в том же № 24, ясно сказано: «Оркестр под управлением Горовиц исполнил в Карнеги-холл Седьмую фортепьянную сонату Прокофьева, прошедшую также с большим успехом».

— А Стоковский ещё не исполнял на скрипке Шестую симфонию Шостаковича?

— Нет, пока такого успеха на его долю не выпало.

* *

— Вы всё о музыке и музыке, — сказала недовольно хозяйка салона.— Вот нам тов. Сергеев свои стихи прочитает. Просим, тов. Сергеев.

— Просим, просим! — присоединились гости.

— Собственно, это не мои стихи,— сказал тов. Сергеев.— Это стихи Блока. Но я их напечатал 9 июня в газете «Гудок» как поэтическое описание старого поезда с его классными вагонами. Так я написал о них. «Гудку» они очень понравились.

— Просим, просим! — ещё раз сказали гости.

Тов. Сергеев прислонился к камину, заложил руку за борт пиджака и медленно произнёс:

«Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Мелькали синие и жёлтые,
В зелёных плакали и пели...»

— Всё! — сказал тов. Сергеев. — Здорово! Понимал старик поэзию железнодорожного движения.

Иван Иванович выразил на лице гримасу сомнения:

— Разрешите сказать. Я, конечно, не специалист по службе движения. Но что же это за рифма такая: «привычной линией — синие и жёлтые». На такой рифме поезд с рельсов сойти может. Затем, не понимаю я, почему синие и жёлтые мелькали, а зелёные плакали... Если мелькать, так уже без различия классов. Тут классовый момент как-то непонятно выражен.

Пётр Петрович снисходительно улыбнулся:

— Вы, Иван Иванович, Блока не знаете, а тоже — спорите! Блок именно не совсем понятный и классово невыдержанный был поэт.

— Мама, а я знаю! — сказала Ниночка. — Это совсем не Блок. Это «Гудок». А у Блока так:

«Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали жёлтые и синие,
В зелёных плакали и пели...»

— Здорово! — сказал тов. Сергеев. — Я ж и говорю: понимал старик поэзию службы движения...

Акакий НЕКИЙ-ВСЯКИЙ

СИЛА ИСКУССТВА...

КТО первый пустил слух, что в Челябинск приезжает джаз-ансамбль Дунаевского, неизвестно, да это, собственно, не так уж важно. Слух достиг своей цели: он произвёл сильное впечатление на некоторые челябинские культурные круги.

Вот почему, когда на завод, где директором клуба тов. Алексеев, явился какой-то субъект, назвавший себя уполномоченным ансамбля, и предложил устроить несколько концертов, все сердца забились радостью и восторгом.

Значит, ансамбль — не пустой слух. Правда, как заявил он, в пути кое-кто из артистов занемог, и в вагонах сейчас объявлен карантин, так что по этой именно весьма уважительной причине не мог пожаловать сам Дунаевский, но надо надеяться, всё обойдётся и с божьей помощью здоровый организм возьмёт верх.

Так, в приятном обмене любезностями, и прошла первая встреча представителя ансамбля с директором клуба Алексеевым и администратором клуба Авериной.

Директор клуба, естественно, проявил заботу об ансамбле и спросил, не нуждаются ли артисты в чём-либо насущном.

Но представитель ансамбля гордо отразил все попытки свести всю эту знаменательную встречу к разрешению каких-то мелких, низменных проблем.

Через два дня, как было договорено, представитель ансамбля снова явился в клуб. На этот раз он пришёл грустный и озабоченный:

— Не повезло нам в Челябинске: люди продолжают болеть, и карантин ни за что не хотят снять. Народ нервничает, дорожные ресурсы наисходе...

— Только и всего?

Бухгалтерия сейчас же выдала аванс. А кроме того при содействии председателя завкома тов. Силуянова и начальника отдела питания заводского УРС тов. Додотченко немедленно были выписаны хлебные и продуктовые карточки на 120 артистов ансамбля. Додотченко, учитывая карантин, распорядился отоварить карточки. Была снаряжена специальная машина: её загрузили продуктами и в сопровождении представителя ансамбля направили к месту карантина.

Несколько дней о судьбе заболевшего ансамбля ничего не было слышно. Это обстоятельство весьма обеспокоило клубных работников:

— Неужели стряслась беда и болезнь подкосила всех до одного?

И не в меру встревоженные представители клуба, пригласив с собой опытных врачей, помчались на железнодорожные пути.

Но... там оказалось... Собственно, там ничего не оказалось — ни вагонов, ни ансамбля, ни артистов, ни Дунаевского, ни карантина, ни представителя ансамбля. Местные люди категорически утверждали, что ничего похожего здесь не было и в помине. И приезжать-то сюда нужно было не с врачами, а с агентами уголовного розыска, ибо работники клуба стали жертвами ловкого проходимца и жулика.

А. КРИВЕНКО.

г. Челябинск.

БОЛЬШИЕ АПЕТИТЫ

Рис. А. Каневского

Ботинки каши просят, а сапожник — водки.

БЕЗ НАМЕКОВ

ЧУДЕСА ПСИХИАТРИИ

Как известно, психические больные обычно отличаются тем, что всё преувеличивают.

Это чисто патологическое свойство оказалось столь заразным, что перекинулось с больных 1-й Московской психиатрической больницы на... заведующего производственными мастерскими того же лечебного заведения, гр. Лифтера.

История его болезни кратка.

В ответ на заказ 3-го троллейбусного парка на изготовление 2 тысяч обложек к пропускам гражданин Лифтер в официальном документе выразил своё благосклонное согласие на выполнение заказа при условии доставки ему для этой цели не только обёрточной бумаги, алюминия, клея, картофельной муки, но также и:

сто пятидесяти килограммов картону,
двух литров спирта-сырца,
двухсот граммов сахара!

После чего скромно добавил:

Всё остальное — наше!

К психиатрам, которые, несомненно, возьмутся за лечение этой буйной формы преувеличения, у нас имеются два вопроса.

Первый: что же «остальное» необходимо для обложек, кроме картона, бумаги, клея, алюминия, картофельной муки, сахара и спирта?

Второй: чем объяснить скромность в отношении требования сахара? Впрочем, если, как мы предполагаем, сахар потребен для уничтожения плохого привкуса спирта-сырца, то 200 граммов на два литра более чем достаточно.

Не предрешая методов лечения, надеемся на быстрое исцеление больного!

НАРУШИТЕЛЬ НАЙДЕН!

На Южно-Донецкой железной дороге обнаружено вопиющее нарушение правил перевозки багажа. Неизвестный гражданин отправил со станции Межевая до станции Ясиноватая в багажном вагоне одну корову и одного бычка. Причём в багажной квитанции было скромно написано: «1 место—200 кгр».

На дороге всполошились.

Кто этот дерзкий нарушитель? Найти его! Привлечь! Наказать! Поручить расследование самому тов. Данилову, нашему опытнейшему ревизору-инструктору по контролю.

И вот тов. Данилов принимается за розыски. Роется в документах, допрашивает весовщиков, сцепщиков, проводников. Путём сопоставления фактов, очных ставок, перекрёстных допросов постепенно распутывает запутанное дело и добирается до цели.

Наконец нарушитель найден. Оказывается, это сам тов. Данилов. Вот здорово! Какая ловкость рук! Мы преклоняемся пред вашей способностью, тов. Данилов, раскрывать самые сложные и запутанные злоупотребления.

ЕЩЕ ОДНА АЗБУЧНАЯ ИСТИНА

Четыре раза писало командование воинской части в Самаркандский исполком об оказании помощи малолетним сёстрам младшего сержанта Бердиной. Ответ последовал только через шесть месяцев.

Заместитель председателя исполкома Мурадов ошарашил командование воинской части сногсшибательной новостью: оказывается, согласно акту обследования и справки адресного стола, Бердина, проживавшая по ул. Кош-Хауз, выбыла в РККА.

И подумать только: для того чтобы сообщить воинской части, в которой служит Бердина, что она, Бердина, выбыла в РККА, потребовалось произвести специальное обследование.

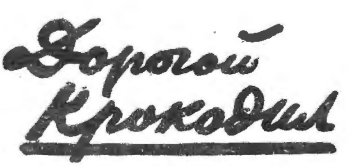
К старым непреложным истинам, что дважды два четыре и что Волга впадает в Каспийское море, теперь прибавилась ещё одна истина, не требующая доказательств: заместитель председателя Самаркандского исполкома Мурадов формально относится к своим обязанностям.

Рис. И. Семёнова

Астраханский молочный завод широко практикует товарообменные операции: молочные продукты меняет на пиво.

Жигулёвское молоко

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Мы, партизаны, достигли полного единодушия с дирекцией московской табачной фабрики «Ява».

И мы и дирекция чихаем вовсю. Мы — из-за качества явского табака, а дирекция — на качество явского табака.

Командир партизанского отряда
Л. РЯБИНИН,
комиссар отряда
Д. КРАВЦОВ

●

Уважаемый Крокодил!

Что делать? С одной стороны, авторитетная комиссия разрешила моей семье въезд в город Скопин. С другой стороны, не менее авторитетная, комиссия запретила въезд моей семье в город Скопин.

Но семья моя, как только получила разрешение, переехала из города Прокопьевска в город Скопин, Московской области, где и живёт благополучно по сей день. Как теперь быть? Неужели считать её проживание в Скопине недействительным?

Разрешила въезд комиссия при исполкоме Мособлсовета. Запретила въезд та же комиссия при исполкоме Мособлсовета.

Вот и поди разберись, если сама комиссия не в состоянии разобраться.

В. ШКЕЛЬ

Дорогой Крокодил!

У нас в Красноярске пользование телефоном-автоматом значительно упрощено. В других городах, для того чтобы позвонить по телефону-автомату, нужно сначала опустить монету, потом поднять трубку, затем ждать соединения и т. п. канитель. В Красноярске же монеты не нужно опускать, потому что монета даже при максимальном усилии в отверстие автомата не лезет. Трубку не нужно поднимать, потому что на многих телефонах трубки обрезаны. Соединения ждать не приходится, потому что, сколько бы вы ни ждали, всё равно телефон будет молчать, как рыба немая.

Так и стоят телефоны-автоматы, беспокоя своим видом красноярцев и внушая полное спокойствие горсовету и отделу связи.

В. РУДЕЛЬСОН

Красноярск.

●

Товарищ Крокодил!

Недавно я собрался на «Давным-давно» в Московский театр драмы. Купил билет. Пошёл. И что же — перемена. Идёт «Москвичка». Ничего не поделаешь, пришлось смотреть «Москвичку».

В следующий раз пошёл в тот же театр на «Жди меня». Прихожу. Жду её. А она оказалась «Собакой на сене».

В третий раз пошёл на «Весну в Москве», а вместо неё — о радость! — смотрел долгожданное «Давным-давно».

Вероятно, это про Московский театр драмы давным-давно поётся: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене».

В. ПОНОМАРЁВ

Москва.

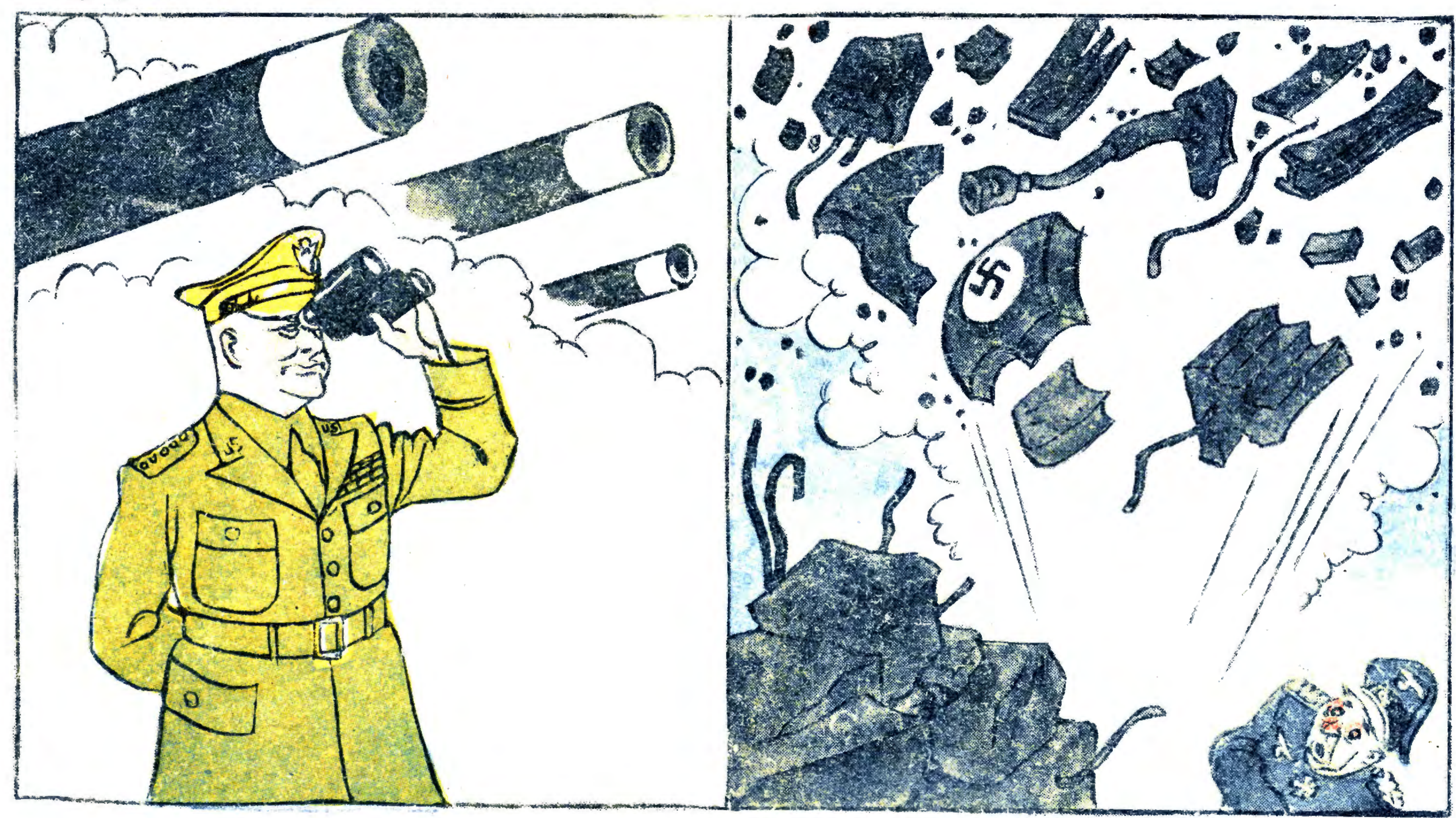
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 377. Подп. к печати 1/VII 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 5203. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1534. Тираж — 100 000 экз.

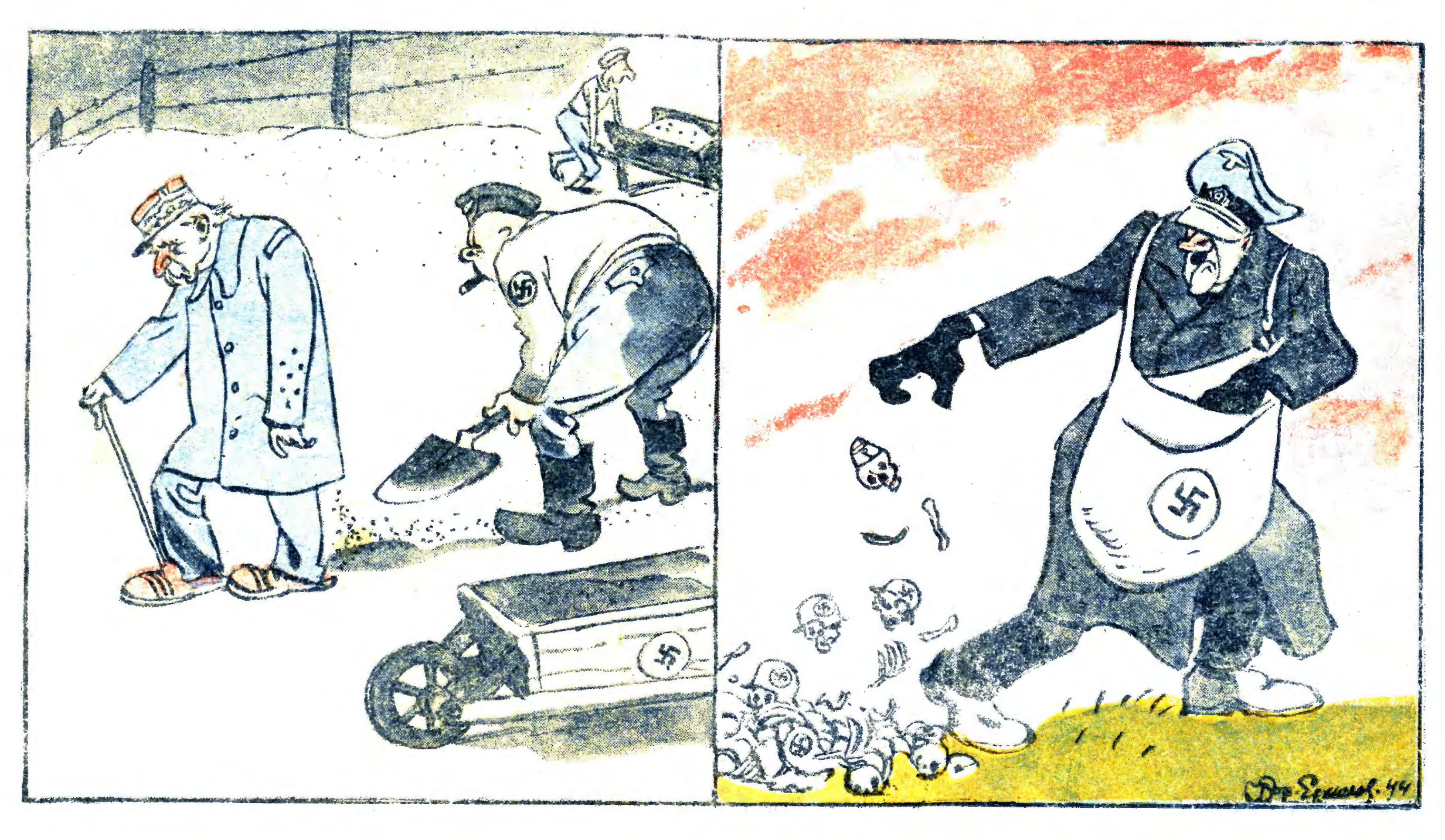
ПРО ВАЛ

Рис. Бор. Ефимова

— Где же этот знаменитый вал? Его днём с огнём не сыщешь!

Немецкие летающие крепости.

Один из бастионов европейской крепости — Петэн. Недолговременная песочная точка.

Игра начата. Кости брошены.

(Из выступления Геббельса.)